

8 октября

Юлиан Семенович Семенов

85 лет со дня рождения
писателя

«Юлиан был светлым и наивным романтиком, совершеннейшим ребенком, «верившим в либерализм с человеческим лицом». Несмотря на все свои «мажорские»... понты – гаванские сигары, клетчатые пиджаки, цепочку на шиколотке, бороду а-ля Хэм и романтизм а-ля шестидесятники, его смело можно называть большим русским писателем».

Евгений Додолев

«Обломок американского самолета, который на его глазах был подбит в Лаосе, книга Хемингуэя с дарственной подписью, фотографии с Грэмом Грином, Жоржем Сименоном и Марком Шагалом и статуэтка Дон Кихота на подоконнике: как из всего этого множества принадлежавших журналисту Семенову вещей родился Семенов-писатель, уже не узнать».

Галина Сапожникова

«Семенов был больше писателем, чем журналистом. Он любил и умел играть фактами, додумывать, дорисовывать. Не корысти ради, а для придания красочности образу и сюжету. Его не жаловала либеральная общественность: считалось, что он завербован КГБ после случайного убийства на охоте. Иначе, рассуждали завистники, как он может свободно ездить по миру, будучи беспартийным?»

Но в 1990 году он стал опасен именно как журналист».

Евгений Додолев

В известном писателе, авторе знаменитых детективов «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Противостояние», «ТАСС уполномочен заявить», «отце» Исаева—Штирлица не чувствовалось ни капли звездной пыли, ни грана высокомерия – отличительная черта настоящего аристократа, которому не надо ни пыжиться, ни казаться, ни утверждаться за чужой счет.

Это был какой-то горячий источник, гейзер, рождавший безудержный фейерверк идей, которые порой казались неосуществимыми. Но почему-то все сбывалось и все получалось.

Елена Светлова

«Он был боксер, драчун, авантюрист, который рисковал всегда своей шкурой, а не чужой. И с ним я понял, что такое роскошь общения - это когда с человеком можно свободно молчать рядом, при этом не испытывая неловкости. Это такое редкое невербальное общение».

Никита Михалков

«Юлиан был начитанным, говорил на фарси, на урду, по-английски. Он меня поразил своей внутренней свободой. Вообще он был хулиган, независимый человек, антисталинист. При этом еще и стилиста, невероятный драчун, боксер.

Я драк избегал, а он вступал не раздумывая. Отчаянно смелый, он, кажется, ничего и никого не боялся».

Андрей Кончаловский

«Слова принадлежат веку, а мысли – векам»

И. Карамзин

Юлиан Семенов:

Самолюбие – как нижнее бельё: его надо иметь, но не обязательно показывать.

У всех были операции на сердце: у кого с ножом, у кого без ножа.

Люди теряют память как зонтики в метро.

Ожидание любви возвышает, ожидание успеха в деле учит мужеству, ожидание смерти – противоестественно.

Проси у друга только то, что он в силах сделать.

Страна свободы, обнесенная колючей проволокой предубеждений, рано или поздно превратится в концентрационный лагерь.

Человек, не умеющий обижаться, есть явление зловредное; приспособленец и конформист.

Семейные сцены очень способствуют провалу любого начинания.

У всех были операции на сердце: у кого с ножом, у кого без ножа.

Дружба исключает понятие «обязан».

Поза в дипломатии и в семейной жизни – основа основ. Кто первый какую позу занял, тот и будет до конца хозяином. Умение обидеться – наука, а умение прощать – целая отрасль наук. Здесь нельзя ошибиться ни на йоту, ни в чём: ни во взгляде, ни в жесте, ни в слове и, упаси Бог, – в преждевременной улыбке.

...Включил радио, нашёл итальянцев, время серенад, пусть себе, только б не последние известия, нет сил слушать, пугают друг друга, как мальчишки. Только те играли в «казаков-разбойников», а сейчас предстоит сыграть в «ракеты-убежища», победителей нет, шарик в куски, разлетимся, как пыль; жаль.

Ясность – одна из форм полного тумана.